

ЯВНОЕ И НЕЯВНОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ¹

Харламенкова Н.Е.

д.псих.н, профессор, зав. лаб. психологии развития субъекта в нормальных и
посттравматических состояниях Института психологии РАН, e-mail:
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Введение

Оппозиция «явное—неявное» знание детально проанализирована в книге Майкла Полани «Личностное знание» (1985). *Явное знание* выражается вербально и в логически эксплицируемых формах, носит безличностный характер, лишено субъективности. Оно представляет собой информацию, которая воспринимается и осознается одинаково всеми субъектами, им известны ее семантика, правила образования и преобразования. Средствами трансляции явного знания выступают стандартные и воспроизводимые каналы информации: печатные издания, таблицы, диаграммы, компьютерные программы и т.п.

В отличие от явного, *неявное знание* не может быть полностью вербализовано, не допускает полной экспликации и может быть неосознанным, но не отождествляется с бессознательным. Неявное знание формируется в зависимости от личностных особенностей человека и транслируется вне стандартных каналов информации через личный контакт с использованием остенсивных определений (от лат. *ostentus*, выставление напоказ) — т.е. определений предмета путём непосредственного показа. Неявные знания могут быть переданы только через *обучение* или получены в *личном опыте*.

В. Н. Порус, известный российский философ, анализируя взгляды Полани, отмечает, что неявное знание применяется человеком не только в практике

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№ проекта 13-06-00390)

повседневной жизни (навыки, умения, профессиональные автоматизмы), но и в научно-исследовательской деятельности (Новая философская энциклопедия, 2001). Если *содержание* научных теорий и программ может быть представлено в значительной мере как явное знание, то *предпосылки* научно-исследовательской деятельности по существу являются убеждениями ученых и не могут быть выражены в логически артикулированных терминах. Процессы научного исследования представляют собой особое искусство, передаваемое и наследуемое благодаря непосредственному общению ученых в рамках научных школ, т.е. коллективов, объединенных общим стилем мышления, исследовательской парадигмой, системой «нормативных верований». Развитие науки, по мнению Полани, происходит, прежде всего, как *расширение* области неявного знания, только часть которого попадает в фокус исследовательского внимания и преобразуется в явное (согласно В. А. Лекторскому, путем рефлексии). Обоснование научного знания, как оказалось, не может строиться только с помощью рациональных процедур, но важно доверие ученого к неэксплицируемым предпосылкам научной работы, к неявным аспектам уже ведущегося исследования по проблеме.

«*Эксплицитное*» часто используется как синоним явного знания, а «*имплицитное*» — неявного. Понятие *имплицитное научение* было введено Артуром Ребером в 1967 году для обозначения специфической формы знания, приобретаемого независимо от сознательных попыток индивида что-либо заучить (Reber, 1967). По замечанию Д. В. Ушакова, похожее открытие пластов человеческого опыта и психической организации, которые недоступны для произвольного запроса со стороны субъекта, гораздо раньше, в 50-х годах XX века было сделано Я. А. Пономаревым (Ушаков, 2006).

Цель познавательного процесса — получение явного знания. Неявное при этом выступает средством, способом экспликации явного. Когда неявное знание, становится объектом рефлексии, оно претерпевает определенные изменения. Происходит порождение нового знания: и явного, и неявного.

С нашей точки зрения, когда мы говорим о явном или неявном знании, мы в большей степени оцениваем некоторый *результат*, нечто декларируем, и даже если говорим о процедуре, то имеем в виду, прежде всего, опыт — личный или опыт человечества. Когда же обсуждается оппозиция имплицитное—эксплицитное, мы говорим не только о знании как таковом, но и о *процедуре* его получения, а также о представлении знания в систематизированном виде (в виде имплицитной концепции или эксплицитной теории). Эти процедуры в данном случае используются не столько для личных, сколько для научных целей.

Процедура «прояснения» проблемы психологической безопасности представлена в настоящей статье в виде нескольких этапов, благодаря которым удалось пройти путь преобразования неявного знания о психологической безопасности личности в явное. Последнему продолжает сопутствовать неявное знание, но уже другого рода. Безусловно, начало любого исследования строится на основе выяснения того, что уже известно о том или ином явлении, а что не известно: определяется круг вопросов, которые указывают на наличие определенных пробелов в знании, на необходимость формулировки проблемы исследования. Изучение психологической безопасности также было начато с выяснения того, что известно о проблеме безопасности человека в целом и о психологической безопасности личности, в частности, и далее продолжено с целью расширения области неявного знания о психологической безопасности и определения ее ведущих компонентов.

Психологическая безопасность: явное знание

Проблема безопасности человека и общества является актуальной и в последние 10-15 лет достаточно широко представлена в работах философов, социологов, историков, педагогов, психологов и специалистов других наук (Крылова, 2001; Научные и методологические проблемы информационной безопасности, 2004; Баева, 2002, 2006; Кузнецов, 2007, 2010; Баева, Гаязова,

2012; Урсул, 2014; Обознов и др., 2014; Обознов, Бессонова, 2015: Трухина, Ворона, 2015 и др.). Для прояснения того, что понимают под безопасностью, авторы стремятся дать определение этого феномена, выделить его ключевые особенности, которые нередко сводятся к трактовке безопасности как меры защищенности среды, в которой живет человек, защиты его достоинства, ценностей и традиций (Кузнецов, 2007).

На начальном этапе исследования анализ научных дефиниций психологической безопасности строился нами на основе выделения наиболее явных и часто выделяемых характеристик безопасности личности. Нередко безопасность определяют как такое состояние, когда обеспечено успешное психическое развитие ребенка и адекватно отражаются внутренние и внешние угрозы его психическому здоровью. Также под безопасностью понимают *защищённость* психики, целостности личности, защиту душевного здоровья и духовности. А. Маслоу, например, связывает безопасность со стабильностью, организованностью, предсказуемостью мира, в котором «действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос», где у него (ребенка — Н.Х.) есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности» (Маслоу, 2001, с. 84). Для здоровых взрослых людей, живущих в нормальном обществе, согласно Маслоу, также нужна *стабильность* (наличие работы) и различные виды страхования, т.е. социальные гарантии, или, другими словами, та же *защищенность*. Маслоу утверждает, что потребность в безопасности редко выступает как активная сила и проявляется, в основном, в ненормативных, критических ситуациях. «Критическими или экстремальными ситуациями мы называем войны, болезни, стихийные бедствия, вспышки преступности, социальные кризисы, неврозы, поражения мозга, а также ситуации, отличающиеся хронически неблагоприятными, угрожающими условиями» (там же, с. 85).

Выделяя основные характеристики психологической безопасности, взятые нами из определений этого феномена, мы можем сказать, что безопасность

чаще всего выражается через категорию отсутствия – отсутствия опасности и угроз, экстремальных ситуаций. Подобная трактовка психологической безопасности лишает её собственного содержания, не позволяет определить структуру и выделить ее компоненты.

Более или менее содержательно выглядят такие характеристики безопасности как *защищенность* и *стабильность* (по Маслоу). Это значит, что в самом общем виде, определение психологической безопасности, которое является критерием *явного знания*, может звучать так: это — отсутствие опасности и угроз, защищенность от них, социальная стабильность, предсказуемость и упорядоченность жизнедеятельности.

Недостаточность полученной информации (в том числе и сугубо психологической) привела к необходимости дальнейшего анализа проблемы. Обсуждаемые далее этапы исследования сложились только в настоящий момент, тогда как при их непосредственном осуществлении они представляли собой одну за другой решаемые задачи. Всего выделилось 5 этапов экспликации проблемы психологической безопасности, расширения области неявного знания о ней: 1) получение явного знания о психологической безопасности путем прямого опроса респондентов; 2) расширение представлений о психологической безопасности с помощью организации специальной процедуры сбора данных; 3) построение имплицитной концепции психологической безопасности личности; 4) верификация имплицитной концепции с помощью приемов сравнения структуры психологической безопасности на разных выборках; 5) построение эксплицитной теории психологической безопасности личности.

На *первом этапе* исследования была сделана попытка проведения прямого опроса его участников (n=72; 42 женщины и 30 мужчин в возрасте от 18 до 26 лет). Респондентам задавался вопрос: «Что такое психологическая безопасность?», на который можно было ответить перечислением ряда признаков. Большинство респондентов ответило, что безопасность это, когда

отсутствуют угрозы и нет опасности. На основе данных, полученных на этом этапе исследования, был сделан вывод о том, что непосредственный опрос не дает никакой новой информации, и психологическая безопасность, как это и следовало из данных выше определений, тесно соотносится с отсутствием состояния небезопасности.

Психологическая безопасность: имплицитная концепция

На *втором этапе* исследования процедура сбора данных была изменена и состояла в том, что опрос респондентов о том, что такое психологическая безопасность, проводился только после специально организованного исследования и участия в нем респондентов. Для этого применялась проективная техника с последующим опросом участников исследования. В результате выявлены разнообразные ассоциации на слово «психологическая безопасность» и проведен их частотный анализ. Исследование проводилось группой студентов и магистрантов под руководством Н. Е. Харламенковой (Харламенкова, 2012а; Ароян, 2011; Благова, 2011; Шипигузова, 2011; Бондарь, 2011).

Участниками исследования стал 201 человек, в т.ч., 121 женщина ($M_e=24\pm 6,2$) и 80 мужчин ($M_e=22\pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием. В качестве тестового материала использовалась таблица № 14 из набора картинок Тематического апперцептивного теста (ТАТ). На таблице изображен силуэт мужчины на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная. Респондентам, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице. Первой ($n=70$) и второй ($n=70$) группам до предъявления инструкции «составьте рассказ» предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет по 10-бальной шкале «безопасная – опасная ситуация». Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в ситуации опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасной ситуации и тоже

составить рассказ. Группа 3 (n=61) получала стандартную инструкцию. После составления рассказа, испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление о картинке как об опасной или безопасной ситуации по 10-бальной шкале. Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: Что угрожает герою рассказа? Что нужно для достижения безопасности? В конце исследования испытуемых просили дать ассоциации к слову безопасность в форме перечисления признаков. Результаты этого исследования опубликованы в статье Харламенковой (2012а). Для построения имплицитной концепции психологической безопасности остановимся только на анализе ассоциаций, который показал, что чаще всего респонденты называли такие ассоциации как спокойствие (n=62), уверенность в себе (n=46), отсутствие угроз, опасности (n=39), защищенность (n=35), позитивное окружение (n=33).

Близкие по смыслу слова были объединены в группы ассоциаций. Всего было выделено 11 групп. По частоте ассоциаций (от большей к меньшей) они распределились таким образом: пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); защита от внешних угроз, защищенность; внешний комфорт (жилье, семья); активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность). Остальные группы ассоциаций — свобода, самореализация; порядок, контроль, соблюдение норм, правил; здоровье; деньги, обеспеченность; единение с природой, Богом; активные действия, противодействие; власть, государство — представлены меньшим числом ассоциаций.

Оказалось, что кроме уже известных «стабильности» и «защищенности» психологическая безопасность соотносится с такими характеристиками как *дом и ближайшее окружение* (причем дом, родители, друзья, это не только защита, но и суверенность, жизненная философия, саморазвитие (Нартова-Бочавер и др., 2015; Бочавер, 2015), *осведомленность и собственная активность* (прояснение, знание, информированность), а также такие менее частотные, но важные характеристики как *свобода, самореализация и здоровье*. Итак,

специальные процедуры сбора данных позволили расширить изучаемую область исследования и соотнести ее с собственно психологическими характеристиками.

На *третьем этапе* исследования на основе выделенных, наиболее частотных ассоциаций была составлена Анкета, в которую были включены 60 дескрипторов. В исследовании приняли участие 423 человек в возрасте от 18 до 55 лет (132 чел. в возрасте 18–26 лет, из них 72 чел. – мужчины, 60 чел. – женщины; 157 чел. в возрасте 27–40 лет, из них 71 чел. – мужчины, 86 чел. – женщины; 134 чел. в возрасте 45–55 лет, из них 62 чел. – мужчины, 72 чел. – женщины). Выборка была уравнена по половому признаку: в исследовании приняли участие 205 мужчин и 218 женщин разного возраста. Респондентам необходимо было определить степень близости ассоциации к слову «безопасность» в соответствии с пятибалльной шкалой, значения которой распределялись от +2 (самая близкая связь) до –2 (связь между словом «безопасность» и ассоциацией слабая или отсутствует) со значением 0 в центре шкалы. Результаты этого исследования опубликованы в статье «Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты» (Харламенкова, 2012б).

На этом этапе исследования удалось не только расширить представления о психологической безопасности, но и провести статистический анализ данных, перейти от перечисления признаков и их объединения по принципу сходства значений слов к связям между ними, т.е. построить имплицитную концепцию психологической безопасности личности. Не останавливаясь на возрастных и половых различиях, укажем на более общие результаты.

Вне зависимости от пола и возраста респондентов были выделены несколько дескрипторов, которые описывают психологическую безопасность с высокой частотой (9 слов-ассоциаций). Самую большую сумму баллов набрала ассоциация «контроль ситуации» (или порядок, предсказуемость по Маслоу), затем по мере убывания – «самосохранение», «уверенность в себе», «здоровье»,

а также «владение информацией», «жизненный опыт, опытность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «защита, защищенность».

Таким образом, с помощью определенного психодиагностического инструмента (Анкеты) удалось повторить результаты предыдущего этапа, а также получить новые данные. Так, наряду с уже известными, такими как защита, защищенность, выделились первичные переменные — *самосохранение* и *жизненный опыт*. Далее была осуществлена процедура уменьшения количества переменных с помощью факторного анализа. Для определения числа факторов применялся критерий отсеивания Р. Кеттела (Наследов, 2004). С этой целью строились графики собственных значений факторов. Количество факторов определялось по точке перегиба на графике собственных значений до его выхода на прямую после резкого спада, при этом, если точку перегиба обозначить K , то можно выделить количество факторов, равное $K - 1$, K и $K+1$. Мы использовали критерий K .

Благодаря статистическому анализу выделились следующие три фактора:

1) «*позитивное окружение*» (22,1 %) – «надежный спутник, опора» (0,7), «дом, жилье» (0,63), «поддержка, помощь» (0,62), «защита, защищенность» (0,6), «уверенность в окружении» (0,5), «надежные друзья, верность» (0,5);

2) «*опытность, информированность*» (11,4 %) – «контроль ситуации» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,6), «физическая подготовка, сила» (0,6), «владение информацией» (0,6);

3) «*внутренний комфорт*» (6,8 %) – «равновесие» (0,7), «надежность» (0,6).

По результатам этой части исследования можно сделать такой вывод: если на первых этапах исследования ведущими показателями психологической безопасности выступали очевидные характеристики — спокойствие, стабильность (пассивный внутренний комфорт) и защищенность, то согласно статистическим данным психологическая безопасность представляется не только как *внутренний комфорт*, но и как наличие *позитивного окружения* и

опытности, информированности.

Полученные данные позволяют понять, что психологическая безопасность это — не просто отсутствие угроз, а в случае их наличия — защита от них, ощущение стабильности и комфорта, но и психологические ресурсы человека, обеспечивающие безопасность — социальное окружение и владение информацией, жизненный опыт. Следует заметить, что в разном соотношении эти три фактора были выделены в каждой их трех возрастных групп — 18–26, 27–40 и 45–55 лет.

Цель последних двух этапов исследования состояла в определении перспектив построения эксплицитной (научной) концепции психологической безопасности и в реализации ряда задач, связанных с конструированием этой концепции.

Психологическая безопасность: эксплицитная теория

На *четвертом этапе* исследования осуществлялся поиск оснований для построения эксплицитной концепции, но не сугубо опытным путем, а с помощью научных процедур — экспликации, сравнения, обобщения. Для этого важно было сравнить результаты диагностики психологической безопасности, полученные нами на другой выборке. Объектом исследования стала выборка солдат срочной службы (исполнитель Е. Н. Дымова). В перспективе планируется расширить спектр сравнения данных и включить результаты обследования пациентов НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко, оперированных по поводу менингиомы (исполнитель Л. Х. Ароян) и данные, полученные на выборке оперативного состава энергетической отрасли (исполнители О. А. Ворона, М. О. Перелыгина).

Анализ данных, полученных на выборке солдат срочной службы, подтвердил, что 3-х факторная структура психологической безопасности личности — позитивное окружение, опытность/информированность, внутренний комфорт — устойчиво обнаруживается на разных выборках.

Однако, важно и то, что состав этих факторов, их место в иерархии в зависимости от ситуации, обстоятельств, физического и психического состояния человека может меняться, факторы могут расщепляться. Последний вывод был сделан после того, как выборка солдат срочной службы ($n = 123$) была разделена на две группы. Критерием деления стал показатель психической травматизации ИТ (Индекс травматизации по Опроснику травматических ситуаций — Life Experience Questionnaire, LEQ) (Тарабрина 2007). Группу “N” составили респонденты с низкими значениями ИТ, группу “T” — с высокими значениями по показателю ИТ методики LEQ (медианный критерий). В первую группу ($n = 57$) вошли респонденты со значениями по ИТ ниже 1,7 балла, во вторую группу ($n = 66$) — респонденты со значениями по ИТ выше 1,8 балла. Высокие показатели ИТ указывают на наличие у человека признаков посттравматического стресса, вызванного влиянием стрессоров высокой интенсивности.

В группе “N” выделилось три фактора: 1 фактор — *самосохранение* — «самосохранение» (0,82), «компетентность, ум» (0,73), «равновесие, стабильность» (0,72), «здоровье» (0,62) — собственный вес равен 3,08, процент объясняемой дисперсии — 31,4%; 2 фактор — *позитивное окружение* — «доверие» (0,83), «надежные друзья, верность» (0,82), «позитивное окружение» (0,80), «любовь» (0,7), «надежность» (0,64), «поддержка, помощь» (0,62), «уверенность в окружении» (0,62), «мудрость» (0,60); собственный вес равен — 2,1, процент объясняемой дисперсии — 14,6%; 3 фактор — *опытность, информированность* — “уверенность в себе” (0,74), “физическая подготовка, сила” (0,72), “жизненный опыт” (0,67), “контроль ситуации” (0,65), “терпимость, сдержанность” (0,61).

Интересно, что в выборке солдат срочной службы (группа “N”) равновесие, стабильность как составляющие фактора внутренний комфорт, коррелируют с «самосохранением», и этот фактор является ведущим. Интересно и то, что при высоком уровне психической травматизации (группа

“Т”), ведущее место начинает занимать фактор позитивное окружение, а фактор опытность, информированность — последнее: *1 фактор – позитивное окружение* – “доверие” (0,75), “свобода” (0,73), “любовь” (0,73), “надежные друзья, верность” (0,67), “равновесие, стабильность” (0,65), “надежность” (0,62), “уверенность в окружении” (0,53); собственный вес равен 4,2, процент объясняемой дисперсии — 22%; *2 фактор – самосохранение* – “самосохранение” (0,73), “контроль ситуации” (0,71), “ответственность, долг” (0,70), “мудрость” (0,66); собственный вес равен – 2,2, процент объясняемой дисперсии – 11,8%; *3 фактор – опытность, информированность* – “здоровье” (0,76), “уверенность в себе” (0,65), “жизненный опыт, опытность” (0,64), “физическая подготовка, сила” (0,62), “терпимость” (0,54); собственный вес равен 1,7, процент объясняемой дисперсии – 8,9% (Дымова, Тарабрина, Харламенкова, 2015).

Итак, расширение области неявного знания, осуществленное эмпирическим путем позволило дополнить исходное представление о психологической безопасности как о состоянии защищенности новыми данными. Прежде всего, в структуру представлений о психологической безопасности были включены два дополнительных компонента «позитивное окружение» и «опытность, информированность», а также отдельные переменные — «свобода», «самореализация», «здоровье». Путем сокращения списка переменных были выделены три фактора, которые повторяются при исследовании разных выборок и которые можно рассматривать как высоко вероятные составляющие психологической безопасности, достаточные для ее понимания.

Целью *пятого этапа* исследований стало построение теории психологической безопасности личности, которая с необходимостью должна «сокращать... извилистые пути опыта...», ведь «...только та наука превосходит остальные», — пишет Ф. Бэкон, «которая менее других отягощает человеческий ум множественностью» (цит. по: Никитин, 2004). Можно ли, однако, считать,

что расширение области неявного знания, а потом, уже на новом уровне понимания проблемы, ограничение множества выделенных переменных, позволило нам увидеть что-то четче, яснее, шире? Не является ли полученная информация лишь повторением того, что мы знали о психологической безопасности в самом начале, и которая теперь изложена несколько другими словами? Наверное, эти сомнения имели бы основания, если бы за выделенными факторами не была обнаружена сложная и многоаспектная картина изучаемого феномена. Как пишет В. А. Лекторский, «то, что раньше казалось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным» (Лекторский, 1980, с. 261).

Именно для того, чтобы не сделать ошибок при построении эксплицитной концепции *психологической безопасности*, нужно было представить выделенные факторы — «позитивное окружение», «опытность, информированность» и «внутренний комфорт» в виде психологических конструктов.

Позитивное окружение как составляющая психологической безопасности должна быть особым образом специфицирована именно относительно проблемы безопасности. Эта спецификация состоит в том, что позитивное окружение позволяет личности осуществить экспансию, расширение своего Эго путем ПРИСВОЕНИЯ (*приватизации*, по Нартовой-Бочавер, 2005) части реальности. При этом присвоение позволяет, с одной стороны, надеяться на социальную поддержку, а с другой, — устанавливать и сохранять границы своего психологического пространства (суверенность), дифференцируя себя от других. Эти две «стратегии» показывают разную функциональность позитивного окружения: 1) как возможной опоры, поддержки в трудных жизненных ситуациях, 2) как условия для формирования своей суверенности. В одном из наших исследований выявлено, что при высоком уровне посттравматического стресса уровень суверенности психологического

пространства личности оказывается низким, а ожидание социальной поддержки от ближайшего окружения — высоким (Харламенкова, 2015). Эти механизмы позволяют личности искать опору во внешнем мире, одновременно сохраняя её аутентичность.

Опытность, информированность как составляющая психологической безопасности обнаруживает себя в стратегии ОСВОЕНИЯ реальности, по-видимому, и той, которая была *присвоена* (путем обращения к жизненному опыту, укрепления уверенности), и той, которая не входит в психологическое пространство личности (в данном случае — путем поиска информации, установления контроля за ситуацией и др.). Направленность освоения реальности, также как и ее присвоения может быть разной. Это и обращение к своему опыту и опыту других людей, поиск информации и т.д. Освоение реальности может проявляться, в том числе, и в избегании угроз и опасностей, т.е. в виде стратегии поиска временного психологического убежища. В целом же психологическая безопасность, реализуемая посредством обращения к опыту и с помощью поиска информации, позволяет человеку принять решение о степени опасности ситуации и необходимости предпринимать усилия для совладания с ней. В какой-то мере опытность, информированность можно рассматривать как конструкт, посредством которого человек проявляет себя как активный субъект своей жизни. «Человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это свое отношение... Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различие позиции субъекта, понятой... как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации» (Рубинштейн, 1976, с. 354).

Внутренний комфорт, как составляющая психологической безопасности, проявляет себя в ПЕРЕЖИВАНИИ психологической безопасности, в том, какие чувства связывает человек со своей безопасностью. Различия в переживании безопасности также вполне очевидны. Это и переживание спокойствия, стабильности; переживание защиты и защищенности; переживание свободы и

наличие чувства собственного достоинства. Внутренний комфорт возникает при удовлетворении потребности в безопасности, при достижении состояния спокойствия, стабильности, равновесия, которые сохраняются на непродолжительное время. Однако, если при этом сопоставить понятие внутреннего комфорта с понятием психологического благополучия, то можно, увидев их понятийную близость, определить те устойчивые внутренние ресурсы — когнитивные, личностные и др., которые обеспечивают человеку возможность совладать с самыми трудными и экстремальными жизненными ситуациями и сохранять достаточный для нормального функционирования уровень психологического благополучия на долгое время. С этой точки зрения, внутренний комфорт это — не пассивное состояние благополучия, а тот внутренний ресурс человека, к которому он обращается в тех или иных сложных жизненных обстоятельствах.

Научный опыт, как пишет Е. П. Никитин, анализируя труды Ф. Бэкона, строго специализирован в плане его *цели*, которая состоит в решении исключительно исследовательских задач. Такие опыты сами по себе не приносят пользы, но содействуют прояснению неясного. Бэкон называет их «светоносными», и полагает, что они не обманывают и не разочаровывают. Полученные нами данные в какой-то степени проливают свет на непростую проблему психологической безопасности личности, и дают основание сформулировать новое определение этого феномена.

Психологическая безопасность это — стремление личности сохранять свою самобытность и суверенность для достижения ощущения стабильности и целостности посредством психологических механизмов присвоения и освоения реальности.

Опыт решения научных (исследовательских) задач, который Бэкон назвал *светоносным*, не исключает опыты другого рода — *плодоносные*, направленные на сугубо практические цели. Проведенные нами исследования позволяют увидеть на практике разные типы переживания психологической безопасности,

а также динамику присвоения, освоения реальности в зависимости от условий, жизненных обстоятельств и психологического благополучия/неблагополучия личности.

Заключение

Подводя итоги исследования, хотелось бы понять, почему на его первом этапе нам так и не удалось получить достаточной информации о том, что такое психологическая безопасность? По всей видимости, этот вопрос не так прост, каким кажется на первый взгляд, и за ним скрываются более сложные, экзистенциальные вопросы, касающиеся проблемы жизни и смерти. Действительно, практически для любого человека безопасность переживается как состояние физического и психического благополучия, т.е. как такое состояние, когда сохраняется физическая целостность индивида и его человеческое достоинство как субъекта и личности. Любые объективно опасные обстоятельства представляют для человека угрозу. Однако, если его жизненный опыт является травматическим, если детство, юность и последующая жизнь сделали человека уязвимым в отношении влияния стрессоров высокой интенсивности, то для него проблема психологической безопасности становится ключевой и тесно связанной с темой смерти, и вопрос о ней вызывает защитную реакцию.

И, наоборот, рассматривая психологическую безопасность как возможность самореализации своих потенциалов, субъект демонстрирует этим определенный уровень психологического благополучия, который обеспечивает ему возможность планировать свою жизнь, не ощущая постоянного страха смерти. Из этого следует, что психологическая безопасность это — не только отсутствие опасности, но и наличие ресурсов справляться с реальными угрозами, и способность к личностному росту, к поступательному развитию. Ведь не менее реальной опасностью для человека является стагнация его развития как личности, которая во многом символизирует его уход от активной

жизни.

Этот вывод полностью совпадает со словами известного отечественного психолога с мировым именем Л. И. Анцыферовой, которая писала, что «... перед лицом жизненных ситуаций, проблем, испытаний человек должен сделать выбор: противостоять ли угрожающим обстоятельствам, внести в жизнь определенность — или любыми путями уклоняться от тяжелых переживаний, уйти от трудных ситуаций, нередко жертвуя своими духовными ценностями. В последнем случае жизнь человека как личности опускается на более низкий уровень, который тяготеет к полюсу небытия, ибо только небытие полностью избавляет человека от опасностей и страданий» (Анцыферова, 2004, с. 17–18).

Список литературы

- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Ароян Л. Х.* Чувствительность личности к угрозе и ее связь с особенностями организации идентичности и суверенностью психологического пространства. Магистерская работа. М., ГАУГН, 2011.
- Баева И. А.* Психологическая безопасность в образовании. Спб.: Издательство «СОЮЗ», 2002.
- Баева И. А.* Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный психологический журнал. 2006. № 1(1). С. 66–68.
- Баева И. А., Гаязова Л. А.* Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение // Психологическая наука и образование [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n3/55542.shtml (дата обращения: 26.02.2016)
- Благова О. А.* Переживание безопасности и его связь с суверенностью психологического пространства личности. Дипломная работа. М., ГАУГН, 2011.

- Бондарь О. С.* Социальные представления о личной безопасности у мужчин и женщин разного возраста. Дипломная работа. М., ГАУГН, 2011.
- Бочавер А. А.* Представления о доме как элементе персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
- Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 15–27.
- Крылова И. А.* Проблема безопасности России в контексте глобалистики. М.: Институт философии РАН, 2001.
- Кузнецов В. Н.* Социология безопасности. М.: МГУ, 2007.
- Кузнецов В. Н.* Теория компромисса. М.: Книга и бизнес, 2010.
- Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М.: Издательство «Наука», 1980.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. Спб.: Евразия, 2001.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности. М.: Издательство «Прометей», 2005.
- Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.
- Наследов А. Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: «Речь», 2004.
- Научные и методологические проблемы информационной безопасности / Под ред. В.П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2004.
- Никитин Е. П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В., Петрович Д. Л., Енина Е. С., Сериков В. В.*

Культура безопасности на железнодорожном транспорте / Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 4(71). С. 45–52.

Обознов А. А., Бессонова Ю. В. Культура безопасности на потенциально опасных предприятиях // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии // Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 655–661.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Изд. 2 / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: «Педагогика», 1976.

Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. Москва: Изд-во «Когито-Центр», 2007.

Трухина В. Ю., Ворона О. А. Психологические характеристики оперативного персонала энергетической отрасли и признаки психологических последствий преодоления переживаемого стресса / Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии // Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 445–454.

Урсул А. Д. Проблемы безопасности и устойчивого развития: эволюционный подход и междисциплинарные перспективы // Вопросы безопасности. 2014. № 5. С. 1–62.

Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Я.А. Пономарев и его школа / Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–143.

Харламенкова Н. Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 133–159.

Харламенкова Н. Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 141–160.

Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные

исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 90—97.

Шипигузова А. И. Суверенность андрогинной личности и ее связь с личной безопасностью. Дипломная работа. М., МОСА, 2011.

Reber A. S. Implicit learning of artificial grammars // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1967. № 6. P. 855–863.